Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ
ОРГАН
МЕЖДУНАРОДНОГО
ОБЪЕДИНЕНИЯ
РЕВОЛЮЦИОННЫХ
ПИСАТЕЛЕЙ

№ 2
1935

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

гарсону десять и сказал, что сдачи не нужно: скромный и печальный жест; целую ночь этот человек пытался так или иначе втиснуться в жизнь народа и кончил тем же вечным жестом буржуа: дать денег. Гарсон почему-то не понял сказанного ему мосье де-Коантрэ и принес сдачу. Тогда мосье де-Коантрэ, видя, что даже этот жест не удался, дольше не настаивал и дал на чай десять су.

Выходя из кафе, он обратил внимание на вывеску соседнего бара: «Все хорошо». «Да, — подумал он с подобием улыбки, — все хорошо». И он представил себе, какое горькое чувство он испытал бы теперь, если бы потратил вчера полтора часа на свой туалет и притом бы — даром. Его даже пробрала дрожь. Подозвав такси, он дал свой адрес на бульваре Араго.

Мы не изобразили более ярко чувства мосье де-Коантрэ, испытанные им за эту ночь, только потому, что они более яркими и не были.

Джемс Джойс

Улисс[1]

Перевод с английского Л. Д. КИСЛОВОЙ

2

— Теперь вы, Кокрэн. Какой город послал за ним?

— Тарент, сэр.

— Так, дальше.

— Произошло сражение, сэр.

— Так, где?

Пустое лицо мальчика вопрошало пустое окно.

Вымысел дочерей памяти. И все-таки, может быть, не только вымысел. Слова, вырвавшиеся в раздражении, шум гиперболических крыльев Блейка[2]. Слышу, распадается пространство, вдребезги стекла, рушатся стены, и время — призрачным последним пламенем. Что же останется нам?

— Я забыл где, сэр. В 279 году до Р. X.

— При Аскулуме, — сказал Стефен, взглянув на имя и дату в испещренной кровавыми шрамами книге.

— Да, сэр. И он сказал: Еще одна такая победа, и мы погибли.

Эти слова мир запомнил. Тупое довольство ума. С холма, над усеянной трупами равниной, генерал, опираясь на копье, говорит своим офицерам. Любой генреал любым офицерам. Они внимают ему.

— Ну, теперь вы, Армстронг, — сказал Стефен. — Каков был конец Пирра?

— Конец Пирра, сэр?

— Я знаю, сэр. Спросите меня, сэр, — сказал Комин.

— Подождите. Ну, Армстронг. Что вы знаете о Пирре?

Пакет с винными ягодами приютился в ранце Армстронга. Время от времени он мял их в ладонях и потихоньку проглатывал. Зернышки прилипли к слизистой оболочке его губ. Подслащенное детское дыхание. Состоятельная семья, гордая тем, что старший сын служит во флоте. Вико Род, Далки.

— Пирр, сэр? Pier — мол[1].

Все засмеялись. Невеселый, пронзительный, злорадный смех. Армстронг оглянулся на товарищей, бессмысленно улыбающийся профиль. Сейчас они засмеются еще громче, зная, что я не умею приказывать, зная, какую плату вносят их отцы.

— Скажите мне, — проговорил Стефен, дотронувшись книгой до плеча Армстронга, — что такое мол?

— Мол, сэр? Это — выступает в море, вроде моста. Кингстаун пир, сэр.

Кое-кто снова засмеялся. Невесело, но с умыслом. Двое на задней скамейке перешептывались. Да. Они познали: никогда не учившись, никогда не быв невинными. Все. С завистью он вглядывался в их лица. Эдит. Этель, Герти, Лили. Такие же, как они: их дыхание, тоже подслащенное чаем и вареньем. Их браслеты, позвякивающие в борьбе.

— Кингстаун пир, — сказал Стефен. — Да, неудачливый мост.

Слова смутили их взор.

— Как же это, сэр? — спросил Комин. — Мост — это через реку.

Для коллекции Гейнса. Здесь никто не поймет. Сегодня вечером, среди споров и неистового пьянства, пронзить гладкую кольчугу его ума. Ну, и что же? Шут при дворе своего господина, снисходительно презираемый, добивающийся его благосклонной похвалы. Почему

---

[1] Под редакцией первого переводческого коллектива ССП.

[2] Английский поэт и художник конца XVIII века.

[1] Pier (пир) по-английски „мол".

они все избирали эту роль? Не только ради примиряющей ласки. И для них история была слишком часто слышанной басней, родина — ссудной кассой.

Разве Пирр не пал от руки аргосской колдуньи и Юлий Цезарь не погиб под ударами кинжалов? Изгнать из памяти их нельзя. Время выжгло на них клеймо, и, закованные, пребывают они среди отвергнутых ими бесконечных возможностей. Возможностей ли, раз они никогда не были осуществлены? Может быть, только то и было возможно, что осуществилось? Тките, ткачи ветра.

— Расскажите нам что-нибудь, сэр?

— Пожалуйста, сэр. О привидениях.

— Где мы остановились? — спросил Стефен, открывая другую книгу.

— «Не умер Лисидас», — сказал Комин.

— Отвечайте, Тальбот.

— А история, сэр?

— После, — сказал Стефен. — Отвечайте, Тальбот.

Смуглый мальчик незаметно открыл книгу, спрятанную под ранцем. Он начал бессвязно декламировать, то и дело косясь в книгу:

Не умер Лисидас, — исчез под гладью вод.
Не плачь, пастух! Душа его живет!
И смотрит он на нас... И все ж он близок нам...

Значит должно быть движение, действительность возможного как возможного. В невнятном бормотании стихов складывалась формула Аристотеля и уносилась в прилежную тишину библиотеки св. Женевьевы, где вечер за вечером он читал, укрывшись от греховного Парижа. Рядом с ним хрупкий Сиамец зубрил учебник по стратегии. Сытые и насыщающиеся мозги вокруг меня; под яркими лампами, наколотые на булавки, слабо шевелят сяжками, а во мраке моего сознания — чудовище подземного мира, неповоротливое, боящееся света, шевелящее своей драконьей чешуей. Мысль есть мысль мысли. Светлое спокойствие. Душа — это по существу все то, что есть: душа есть форма форм. Спокойствие внезапное, всеоб'емлющее, блистающее: форма форм.

Тальбот повторял:

Таков приказ того, ходил кто по водам.
Таков приказ того...

— Переверните страницу, — спокойно сказал Стефен. — Я ничего не вижу.

— Что, сэр? — простодушно спросил Тальбот, наклоняясь вперед.

Его рука перевернула страницу. Он откинулся назад и продолжал, припомнив: о том, ходил кто по водам. И здесь тоже, на этих малодушных сердцах лежит его тень, и на сердце и губах хулителя, и на моих. Она лежит на лукавых лицах тех, кто предложил ему динарий. Кесарю кесарево. Богу божье. Долгий взгляд темных глаз, загадочные слова, которые будут ткать и ткать на станках церкви. Воистину.

Загадай, загадай, загадай мне загадку.
Мой отец приказал мне посеять зерно.

Табольт сунул закрытую книгу в ранец.

— Все отвечали? — спросил Стефен.

— Да, сэр. В десять хоккей, сэр.

— Раньше кончаем. Сегодня четверг, сэр.

— Загадать вам загадку? — спросил Стефен.

Они торопливо складывали книжки, шелестя страницами, стуча карандашами. Сбившись в кучу, они стягивали ремнями ранцы и кричали наперебой:

— Загадайте, сэр. Мне, мне, сэр!

— Нет, мне, сэр!

— Потруднее, сэр!

— Ну, слушайте, — сказал Стефен.

Пропел петух,
Закат потух.
На небе звон колоколов
Пробил одиннадцать часов
Душе ее пора
Уйти на небеса.

Что это такое?

— Как, сэр?

— Еще раз, сэр. Мы не расслышали.

С каждой строчкой их глаза расширялись все больше. После молчания Кокрэн сказал:

— Что это такое, сэр? Мы сдаемся.

Стефен ответил, чувствуя, как у него щекочет в горле:

— Лисица хоронит свою бабушку под кустом остролистника.

Он встал с места и разразился громким нервным смехом, на который ответило эхо их разочарованных восклицаний.

В дверь постучали клюшкой, и голос из коридора позвал:

— На хоккей!

Они рассыпались в разные стороны, вылезая из-за парт и перепрыгивая через них. Быстро они исчезли, и из чулана донеслось шаркание подошв и трескотня клюшек и языков.

Сарджент, который один остался в комнате, медленно подошел к нему, протягивая открытую тетрадь. Спутанные волосы и худая шея говорили о нерешительности; сквозь непротертые очки жалобно глядели близорукие глаза. На бесцветной впалой щеке расплылось овальное чернильное пятно, свежее и влажное, как след слизня.

Он протянул тетрадь. Слово «Задачи» было написано на первой строчке. Дальше спотыкались неуклюжие цифры, и внизу стояла кривая подпись с росчерком и кляксой: Сирил Сарджент. Подпись и печать.

— Мистер Дизи велел мне их переписать и показать вам, сэр.

Стефен дотронулся до полей тетради. Ненужность.

— Теперь вы понимаете, как это надо делать? — спросил он.

— Примеры от одиннадцатого до пятнадцатого, — ответил Сарджент. — Мистер Дизи велел мне их списать с доски, сэр.

— А сами вы их можете решить?

— Нет, сэр.

Некрасивый и ненужный; тонкая шея и спутанные волосы, и чернильное пятно, след слизня. А ведь кто-то любил его, носил на руках и в сердце. Если бы не она, стремительный бег мира растоптал бы его под ногами, раздавленного бескостного слизня. Она любила его слабую водянистую кровь, взятую из ее собственной. Значит, это в самом деле то. Единственное настоящее в жизни. Через простертое тело его матери в священном рвении перешагнул неистовый Колумбанус[1]. Ее больше нет. Трепетный остов ветки, сожженной на костре; запах розового дерева и сырого пепла. Она не дала растоптать его под ногами и ушла, словно она и не существовала. Душа ее ушла на небеса: и на пустоши, под мигающими звездами, лисица с рыжево-рыжей вздыбленной шерстью, с безжалостными горящими глазами скребет землю, прислушивается, скребет землю, прислушивается, скребет и скребет.

Сидя около него, Стефен решал задачу. Он доказывает при помощи алгебры, что дух Шекспира приходится Гамлету дедом. Сарджент искоса взглядывал на него сквозь криво надетые очки. Хоккейные клюшки гремели в чулане; крики и глухой стук мяча с площадки.

По странице в чопорном мавританском танце двигались математические знаки, маскарад букв в причудливых колпачках квадратов и кубов. Беритесь за руки, переходите, кланяйтесь вашей даме; вот так; бесенята, порожденные фантазией мавров. Они тоже ушли из мира, Аверроэс и Моисей Маймонид, темные лицом и движениями, отразившие в своих насмешливых зеркалах непонятную душу мира, тьма, сиявшая в свете, которую свет не об'ял.

— Поняли теперь? Сможете вторую сделать сами?

— Да, сэр.

Длинными, неуверенными штрихами Сарджент списывал задачи. Все время ожидая помощи, его рука старательно выводила неровные цифры, слабая краска стыда вспыхивала под тусклой кожей. Amor matris — суб'ективный и об'ективный родительный падеж. Своей водянистой кровью и свернувшимся молоком она вскормила его и прятала от чужого взора его пеленки.

Такой же был и я, те же опущенные плечи, та же угловатость. Мое детство, склонившееся рядом со мной. Слишком далеко, чтобы хоть слегка, хоть один раз дотронуться до него. Мое — далеко, а его — таинственно как наши глаза. Тайны, темные, тихие, таятся в черных чертогах наших сердец; тайны, уставшие от своей тирании; тираны, жаждущие быть низвергнутыми.

Задача решена.

— Это совсем не трудно, — сказал Стефен, вставая с места.

— Да, сэр, благодарю вас, сэр, — ответил Сарджент.

Он промакнул страницу листком тоненькой промокательной бумаги и отнес тетрадь на парту.

— Возьмите-ка свою клюшку и ступайте играть, — сказал Стефен, идя к

[1] Ирландский святой (VI век).

двери вслед за угловатой фигурой мальчика.

— Да, сэр.

В коридоре было слышно, как зовут с площадки:

— Сарджент!

— Бегите же, — сказал Стефен, — мистер Дизи зовет.

Стефен стоял в дверях и смотрел, как опоздавший торопился к неровной лужайке, где беспорядочно спорили резкие голоса. Мальчиков разбили на команды, и мистер Дизи пошел по лужайке, перешагивая через кустики травы ногами в гетрах. Когда он достиг школьного здания, спорящие голоса снова позвали его. Он повернул к ним сердитые седые усы.

— Что там еще? — выкрикнул он, не слушая.

— Кокрэн и Холидей на одной стороне, сэр, — крикнул Стефен.

— Пожалуйста, подождите минутку в моем кабинете, — сказал мистер Дизи, — пока я здесь водворю порядок.

Он озабоченно пошел по лужайке, продолжая строго кричать старческим голосом:

— Ну, в чем дело? Что там еще?

Их резкие голоса кричали вокруг него, их суетящиеся фигуры обступили его; пронзительный солнечный свет обесцвечивал мед его плохо выкрашенных волос.

Дымный затхлый воздух стоял в кабинете, запах темной стертой кожи старых кресел. Как в первый раз, когда он со мной здесь торговался. Как было вначале: и ныне. На буфете — поднос с монетами Стюартов, презренное сокровище ирландских болот; и присно. И приютившиеся на фиолетовом бархате, потускневшем, в футляре для ложек, двенадцать апостолов, благовествовавших всем язычникам: и вовеки-веков.

Торопливые шаги на каменном крыльце и в коридоре. Раздувая редкие усы, мистер Дизи остановился у стола.

— Прежде всего, уладим наши денежные дела, — сказал он.

Он вытащил из кармана сюртука записную книжку, перетянутую ремешком. Она раскрылась, и мистер Дизи вынул два банковых билета, один — склеенный по середине, и бережно положил на стол.

— Два, — сказал он, перевязывая и убирая книжку.

А теперь в сейф за золотом. Смущенная рука Стефена перебирала раковины в холодной каменной вазе; трубороги и угровки и багрянки, вот эта, как тюрбан эмира, и эта — морской гребешок. Добыча старого пилигрима, мертвое сокровище, скорлупки.

Соверен упал, блестящий и новенький, на мягкие складки скатерти.

— Три, — сказал мистер Дизи, вертя в руках маленькую копилку. — Удобная вещь. Посмотрите. Здесь соверены. Здесь шиллинги, сикспенсы и полукроны, а здесь — кроны. Посмотрите-ка!

Он выдавил две кроны и два шиллинга.

— Три и двенадцать, — сказал он. Кажется правильно.

— Благодарю вас, сэр! — сказал Стефен, со смущенной поспешностью подбирая деньги и кладя их в карман брюк.

— Не за что, — сказал мистер Дизи, — вы их заработали.

Рука Стефена, освободившись, снова потянулась к пустым раковинам. Тоже символы красоты и власти. Скомканные в моем кармане. Символы, оскверненные алчностью и скупостью.

— Не носите их так, — сказал мистер Дизи, — вы их где-нибудь вытащите и потеряете. Купите себе такую же штуку. Они очень удобны.

Отвечай что-нибудь.

— У меня она часто была бы пуста, — сказал Стефен.

Та же комната, тот же час, та же мудрость, и я тот же. Три раза уже. Три петли вокруг моей шеи. Что ж. Я могу вырваться сейчас же, если захочу.

— Потому что вы не делаете сбережений, — сказал мистер Дизи, подняв палец кверху. — Вы еще не знаете, что такое деньги. Деньги — это власть. Знаю, знаю. Если бы молодость знала. А что говорит Шекспир? «Лишь бы были деньги в кошельке».

— Яго, — пробормотал Стефен.

Он отвел глаза от праздных раковин и встретил пристальный взгляд старика.

— Он знал, что такое деньги, — сказал мистер Дизи, — он наживал деньги. Он был поэт, но он был и англичанин. Знаете, чем гордятся англичане? Знаете, какие самые гордые слова в устах англичанина?

Властитель морей. Его как море холодные глаза смотрели на пустынную гавань; виновата история; на меня и на мои слова — без ненависти.

— Что над его империей, — сказал Стефен, — солнце никогда не заходит?

— Чепуха! — воскликнул мистер Дизи, — это не англичанин, — это кельт сказал. — Он постучал копилкой по ногтю большого пальца. — Я скажу вам, — проговорил он торжественно, — чем он больше всего гордится. Я никому не должен.

Молодец, молодец:

— Я никому не должен. За всю мою жизнь я не занял и шиллинга. Можете вы это о себе сказать? Я никому не должен. Можете?

Маллигану девять фунтов, три пары носков, пару ботинок, галстуки. Керрану десять гиней. Мак Кэнну гинею. Фреду Райену два шиллинга. Темплу за два завтрака. Расселю гинею. Казенсу десять шиллингов. Бобу Рейнолдс полгинеи, Келлеру три гинеи. Миссис Мак Кернан за пять недель. Бесполезны мои скомканные бумажки.

— В данный момент — нет, — ответил Стефен.

Мистер Дизи расхохотался, пряча копилку.

— Я так и знал, — сказал он весело. — Но когда-нибудь вам придется. Мы великодушны, но мы должны быть и справедливы.

— Я боюсь этих громких слов, — сказал Стефен, — от которых мы становимся несчастными.

Мистер Дизи несколько мгновений сурово рассматривал над камином стройную фигуру мужчины в шотландском костюме: Альберт Эдуард, принц Уэльский.

— Вы думаете, что я старый хрыч и старый тори, — сказал его задумчивый голос. — Я видел три поколения со времен О'Коннеля. Я помню голод. Знаете ли вы, что ложи оранжистов агитировали за расторжение унии на двадцать лет раньше О'Коннеля, раньше, чем прелаты вашего исповедания об'явили его демагогом? Вы, фении [1], кое-что забываете.

Славное, благоговейное, бессмертное воспоминание.

Алмазная Ложа в Армаге [2] Великолепном, увешанная трупами папистов. Сборище колонизаторов, хриплые, вооруженные, замаскированные. Черный север и верная голубая библия. Стриженые [3], сдавайтесь!

Стефен резко повернулся.

— И во мне течет мятежная кровь, — сказал мистер Дизи. — С материнской стороны. Но мой предок, сэр Джон Блеквуд, голосовал за унию. Все мы — ирландцы, все — потомки королей.

— Увы! — сказал Стефен.

— «Per vias rectas» [4], — твердо сказал мистер Дизи, — был его девиз. Он голосовал за унию, надел ботфорты и поскакал для этого из Арсоф Даун в Дублин.

Лаль де ралы де ра.

Кремнистый путь на Дублин.

Сердитый сквайр на коне в блестящих ботфортах. Прекрасный день, сэр Джон. Прекрасный день, ваша честь. День... День... Два ботфорта, трусящих рысцой по дороге в Дублин. Лаль де раль де раль, лаль де раль де ради.

— Кстати, — сказал мистер Дизи, — вы можете сделать мне большое одолжение, мистер Дедалус, через ваших друзей литераторов. Я написал письмо в редакцию. Присядьте на минутку, я только перепечатаю конец.

Он подошел к конторке у окна, пододвинул стул и перечитал несколько строк на листке, заложенном в машинку.

— Присядьте же! Извините меня, — сказал он через плечо. — Голос здравого смысла. Одну минутку.

Из-под нависших бровей, поглядывая в рукопись, лежащую у его локтя, и бормоча про себя, он начал ударять по неподатливым клавишам машинки, пыхтя каждый раз, как приходилось передвинуть валик, чтобы стереть ошибку.

---

[1] Ирландское тайное общество, боровшееся за независимость Ирландии.

[2] Город в Ирландии, местопребывание архиепископов протестанской и католической церквей.

[3] Ирландские повстанцы 1798 года коротко стригли волосы в знак солидарности с французскими революционерами.

[4] По правому пути.

Стефен бесшумно сел в присутствии коронованной особы. В рамках на стенах почтительно стояли изображения давно умерших лошадей, подняв свои кроткие головы. Отпор, лорда Гастингса, Стрелок, герцога Вестминстерского, Цейлон, герцога Бофорта, Prix de Paris,[1] 1866. Крошечные жокеи сидели на них, ожидая сигнала. Он видел их резвость, ставил на королевские цвета и кричал вместе с давно умершей толпой.

— Точка! — приказал мистер Дизи клавишам. — Но скорейшее разрешение этого важного вопроса...

Куда Крэнли привел меня, чтобы сразу разбогатеть: выискивая верную лошадь среди забрызганных грязью шарабанов, среди рева букмекеров и затхлой вони пищи над пестрой слякотью. Один против одного на Фейр Ребел; десять против одного на остальных. Игроки и жулики, мы бежали за копытами, за картузами и камзолами, мимо женщины, подруги мясника, с лицом, как сырое мясо, жадно сосущей дольку апельсина.

Резко раздавались крики с площадки; острая трель свистка.

Гол: тоже цель. Я среди них, среди борющихся тел в свалке: турнир жизни. Я — тот рахитичный маменькин сынок, слегка зобатый. Турниры, слякоть и грохот сражений, мерзлая блевотина убитых, крики, когда окровавленные внутренности повисают на острие копья.

— Готово, — сказал мистер Дизи, вставая. Он подошел к столу, складывая листки. Стефен поднялся.

— Здесь я изложил весьма кратко всю сущность дела, — сказал мистер Дизи.—Это о ящуре. Просмотрите, пожалуйста. Не может быть двух мнений по этому вопросу.

Пользуясь любезностью вашей уважаемой газеты. Доктрина laissez faire [2], которая, к сожалению, слишком часто. Наша скотопромышленность. Как все наши отрасли хозяйства. Ливерпульская клика саботирует карантин в порту Голуей. Зараза проникает из Европы. Фураж поступает к нам с континента. Невозмутимое спокойствие Департамента Земледелия. Простите за ссылку на классиков. Кассандра. Женщина ничем не лучше других. Переходим к существу дела.

— Я с ними не церемонюсь, как вы находите? — спросил мистер Дизи. Стефен продолжал читать.

Ящур. Известное, как препарат Коха. Серум и вирус. Процент вакцинированных лошадей. Чума рогатого скота. Императорские лошади в Мюрцштеге. Нижняя Австрия. Ветеринарные врачи. Мистер Генри Блейквуд Прайс. Любезно предлагает сделать проверку. Голос здравого смысла. Вопрос огромного значения. В полном смысле слова — взять быка за рога. Благодарю за любезно предоставленную мне возможность.

— Я хочу, чтобы это было напечатано и всеми прочитано, — сказал мистер Дизи. — Вы увидите, что при следующей же эпизоотии на ирландский скот будет наложено эмбарго. А ящур можно вылечить. Он излечим. Мой родственник, Блейквуд Прайс, пишет, что в Австрии ветеринары вылечивают скот. Они предлагают свои услуги. Я пытаюсь оказать давление на Департамент. Теперь я хочу еще обратиться к помощи печати. Я окружен трудностями... интригами... мелкими происками...

Он поднял указательный палец и погрозил кому-то в пространство.

— Вот что я вам скажу, мистер Дедалус, — проговорил он, — Англия — в руках евреев. Они всюду — на всех видных постах, в финансах, в прессе. А это — признак упадка нации. Там, где евреи скопляются, они высасывают все соки нации. Я предвидел это. Совершенно бесспорно, что еврейские торгаши уже принялись за свою разрушительную работу. Старая Англия умирает.

Он быстро отступил в сторону, и его глаза оживились голубым блеском, попав в полосу солнечного света. Он снова повернул назад

— Умирает — сказал он, — если еще не умерла.

Голоса твоих дочерей — они тело свое продают,
Старой Англии саван, саван Англии ткут.

Широко открытые сосредоточенные глаза сурово смотрели в пространство через полосу солнечного света, в которой он остановился.

[1] Скаковой приз.

[2] Халатное отношение.

— Торгаш, — сказал Стефен, — это тот, кто покупает дешево и продает дорого. Иудей или язычник, не так ли?

— Они согрешили против вечного света, — торжественно сказал мистер Дизи. — В их глазах — тьма. И вот почему они по сей день не имеют пристанища на земле.

На ступенях Парижской биржи золотокожие люди сообщают друг другу курсы пальцами в перстнях. Гоготание гусей. Они толпятся, шумные, оскверняющие храм. Их головы под неуклюжими цилиндрами замышляют выгодные сделки. Не их: эта одежда, эта речь, эти жесты. Их большие медленные глаза опровергают их слова, движения — беспокойные и неоскорбительные, но они знают, что злоба скопляется вокруг них и знают, что их старания тщетны. Тщетно собирать и копить. Время снова развеет все. Собранное, накопленное и сложенное у дороги. Награбленное и брошенное. Глаза их знали годы скитаний, и, терпеливые, знали бесчестие своей плоти.

— Кто из нас без греха? — сказал Стефен.

— Что вы хотите сказать? — спросил мистер Дизи.

Он сделал шаг вперед и остановился у стола. Его нижняя челюсть недоумевающе отвисла. Так это древняя мудрость? Он ждет моих слов.

— История, — сказал Стефен, — это кошмар, от которого я стараюсь пробудиться.

Громкие крики послышались на площадке. Звонкая трель свистка. Цель. А что, если этот кошмар ударит рикошетом?

— Пути создателя неисповедимы — сказал мистер Дизи.

История движется к одной великой цели, проявлению бога.

Стефен, ткнув пальцем по направлению к окну, сказал:

— Вот бог.

— Ура! Эй! У-у-у!

— Что? — спросил Дизи.

— Крик на улице, — ответил Стефен, пожав плечами.

Мистер Дизи опустил глаза, сжав пальцами ноздри.

Снова подняв глаза, он отпустил нос.

— Я счастливее вас, — сказал он. — Мы совершили много грехов, много ошибок. Через женщину грех вошел в мир. Из-за женщины, ничем не лучше других, из-за Елены, беглой жены Менелая, десять лет воевали греки с троянцами. Неверная жена первая привела к нашим берегам чужестранцев, жена Мак Мерроу и прелюбодей О'Рурке, принц Бреффни. Женщина погубила Парнеля. Много ошибок, много неудач, но только не этот грех. И теперь, в конце дней моих, я борюсь и буду биться за правду до самого конца.

Право свое, правду свою
Ульстер добудет в бою.

Стефен поднял листки.

— Так, значит, сэр, — начал он.

— Я предвижу, что вы долго здесь не останетесь, — сказал мистер Дизи. — Не ваше призвание быть учителем. Возможно, я ошибаюсь.

— Учеником скорее, — сказал Стефен. — А здесь ты чему еще научишься?

Мистер Дизи покачал головой.

— Кто знает? — сказал он. — Чтобы учиться, нужно смирение. Жизнь — великий учитель.

Стефен снова зашелестел листками.

— Что касается этого, — начал он.

— Да, да, — сказал мистер Дизи. — Я дал вам два экземпляра. Если можно, поместите их сразу.

Телеграф. Ирландская усадьба.

— Попытаюсь, — сказал Стефен. — Я сообщу вам завтра. Я немного знаком с двумя редакторами.

— Вот и прекрасно, — с живостью сказал мистер Дизи. — Вчера вечером я написал мистеру Филд, члену парламента. Сегодня — собрание Ассоциации скотопромышленников в «Сити Армс отеле». Я просил его огласить мое письмо. Постарайтесь поместить его в этих двух газетах.

— А какие это газеты?

— «Вечерний телеграф»...

— Прекрасно, — сказал мистер Дизи. — Нельзя терять времени. Ну, а теперь мне нужно ответить на письмо моего родственника.

— До свидания, сэр, — сказал Стефен, пряча листки в карман. — Благодарю вас.

— Не за что, — ответил мистер Дизи, перерывая бумаги на конторке. — Мне доставляет удовольствие скрестить копья с вами, хоть я и стар.

— До свидания, сэр, — повторил Стефен, кланяясь его наклоненной спине.

Он вышел в открытую дверь и пошел по усыпанной гравием дорожке под деревьями, слушая громкие голоса и стук клюшек на площадке. Мимо геральдических львов на столбах вышел он в ворота. Беззубые чудища. Все-таки ему помогу в его борьбе. Маллиган наградит меня новым прозвищем. Бард-благодетель-быков.

ПРИМЕЧАНИЯ

Согласно схеме, которую приводит в своей книге известный комментатор и исследователь Джойса Стюарт Гилберт[1], второй эпизод «Улисса» соответствует третьей песне «Одиссеи» — эпизоду с Нестором. Старца Нестора олицетворяет мистер Дизи — воплощение житейской мудрости и рассудительности.

«Искусство»[2] второго эпизода — история. Эпизод открывается уроком истории. Исторические реминисценции занимают видное место в рассуждениях мистера Дизи, который «видел три поколения со времени О'Коннела (ср. о Несторе: «был, говорят, он царем, повелителем трех поколений»; «Одиссея» в переводе В. А. Жуковского, 3, 245).

Симпатии мистера Дизи, ирландца и «потомка королей», явно на стороне поработителей Ирландии — англичан. Уния, за которую голосовал его предок, сэр Джон Блэквуд, — акт о присоединении Ирландии к Великобритании, по которому Ирландия окончательно теряла всякую независимость. Уния была проведена в 1801 году, вскоре после восстания 1798 года, поднятого ирландцами против английского владычества. В знак симпатии к французской революции повстанцы, между прочим, коротко стригли волосы; отсюда — данное им прозвище «стриженых».

Видную роль в борьбе с повстанцами-католиками («папистами») и за унию сыграло тайное общество ирландских протестантов — «оранжисты». Оно оформилось организационно в 1795 году, когда были основаны первые ложи. Общество было названо в честь английского короля Вильгельма III, бывшего принца Оранского, который изгнал (в 1677 году) из Англии католическую династию Стюартов. Центром оранжистского движения была провинция Ульстер (север Ирландии). Армаг — одно из графств Ульстера.

В продолжение всего XIX столетия религиозный момент играл видную роль в борьбе ирландцев за независимость. Даниэль О'Коннелл (1775—1847), крупнейший ирландский политический деятель первой половины XIX столетия, опираясь на созданную им «римско-католическую лигу» (число членов ее доходило до нескольких миллионов), добился признания независимости ирландской католической церкви 1829 г.). Его попытка расторгнуть унию с Англией окончилась неудачей; в 1844 году «лига» была об'явлена противозаконной, а сам О'Коннел был привлечен к суду; вскоре после этого он умер.

Фении — также тайное общество, основанное ирландскими эмигрантами в Америке (1858) и ставшее своей целью борьбу за независимую ирландскую республику. Расцвет деятельности фениев — 60-е годы. Позднее фениями называли вообще всех сторонников политической независимости Ирландии.

Борьба за независимость Ирландии с новой силой разгорелась в 80-е годы, когда ее возглавлял Парнелл (1842—1891). Ярым приверженцем Парнелла был отец Стефена, Саймон Дедалус. Одной из главных причин неудачи поднятого Парнеллом движения считают противодействие католического духовенства, пользовавшегося в то время огромным авторитетом среди населения Ирландии. В частности, для агитации против «прелюбодея» Парнелла духовенство широко использовало процесс, возбужденный капитаном О'Ши, который обвинял Парнелла в сожительстве с его женой («женщина погубила Парнелла», — говорит мистер Дизи).

Отметим, наконец, что по линии исторических ассоциаций Джойс снова сближает «Улисса» с «Одиссеей»: одновременно с женой капитана О'Ши и полулегендарной женой Мак Мэрроу, которая «привела иноземцев в Ирландию», мистер Дизи вспоминает «беглую жену Менелая» — Елену Троянскую.

[1] S. Gilbert. Tames Toyce's „Ulysses",. Ed. Faser & Faber Ltd., London 1930.

[2] По схеме Гильберта, эпизоду «Улисса» соответствует какое-нибудь искусство; последний термин употребляется в его средневековом значении — т. е. в него включаются и науки.

Эрнст Отвальт

Карьера

Перевод с немецкой рукописи Г. И. ЯРХО

Чиновник в приемной бургомистра Шена мрачно смотрит на входящего:

— Коллега Лайхерт? Минуточку!.. Господин бургомистр хочет с вами поговорить.

Чиновник входит в соседнюю комнату, и старший секретарь муниципалитета слышит краткий разговор:

— Господин старший секретарь Лайхерт.

— Пусть подождет.

Чиновник возвращается.

— Соблаговолите присесть, вас просят немного повременить.

Старший секретарь Лайхерт садится. Он кладет руки на ляжки, растопырив пальцы. Так, по крайней мере, не видно, что его синий костюм основательно лоснится на коленях. Лайхерт старается придать своему лицу спокойное выражение, но рот против воли судоржно раскрывается и закрывается. Только не волноваться! Не так страшен чорт, как его малюют. Этому Шену вовсе нечего хорохориться.

Лайхерт знает про кое-какие делишки по части недвижимых имуществ. Так-то-с! Разве продажа моторному заводу лесного участка, принадлежавшего городу, не была чистейший спекуляцией? Да-с, господин бургомистр, секретарь Лайхерт еще посмеется в кулак. Подождите только, всех вас возьмут на цугундер, проклятая банда! Только не волноваться, только не трусить! Не испугаете! Мы еще посмотрим, кто-кого!

Тем не менее старшему секретарю Лайхерту хотелось бы быть далеко отсюда, далеко от приемной бургомистра Шена.

Лайхерт нагло косится на коллегу, работающего за письменным столом. «Как он расселся! Словно меня тут и в помине нет. Но не торопись радоваться, голубчик! Ты не на веки вечные окопался в этой приемной, будь ты хоть десять раз кассиром в Союзе коммунальных служащих».

Лайхерт откашлялся и говорит насмешливо:

— Господин бургомистр не стеснен временем.

Чиновник за письменным столом что-то бурчит, а затем с величайшей серьезностью затевает пустой телефонный разговор, в котором февральский баланс городского банка играет какую-то роль. Старший секретарь Лайхерт с ненавистью и презрением рассматривает своего коллегу. Трусливая собака!

Ах, в душе старший секретарь Лайхерт весьма далек от самомнения и чувства превосходства. Он не признается себе в этом, но на самом деле ему скорее хочется плакать, чем смеяться. Вот уже десять лет как он состоит старшим секретарем. Если б все пошло гладко, он, быть может, через несколько месяцев был бы городским инспектором. На сто десять марок больше в месяц. Марта уже давно на это рассчитывает. Можно было бы снять квартиру в три комнаты; ведь теперь, когда мальчик подрос, неудобно спать с ним в одной комнате. Быть может, действительно было глупо ввязываться в это дело. Да что теперь поделаешь? Надо стойко держаться.

Раздается звонок. Чиновник встает и направляется к кабинету бургомистра. Он тотчас же возвращается, оставляет дверь полуоткрытой и жестом руки приглашает Лайхерта войти:

— Пожалуйста.